

Их учитель, вернувшись, лишь сообщил, что болезнь Хуай-вана зашла слишком далеко и медицина уже не в силах спасти его жизнь.

Они не придали этому особого значения — в конце концов, целители слишком часто сталкиваются с рождением, старением, болезнями и смертью. Неизлечимых недугов пруд пруди, и нет ничего привычнее, чем кончина тяжелобольного пациента.

Однако чего лекари никак не ожидали, так это того, что, когда все они расписались в собственном бессилии, Хуай-ван вдруг пошел на поправку.

— Неужели его действительно спасла моя невестка? — Лэн И всё еще не мог в это поверить.

Лу Тайхун погладил бороду:

— Вам достаточно послать людей в резиденцию Хуай-вана, чтобы убедиться: старик не лжет. Признаться, я и сам поначалу сомневался, пока однажды княгиня Цзю пришла в Зал Сотни Трав, где я принимал пациентов, и мы случайно не наткнулись на больного, у которого случился приступ трупного замирания.

Лу Тайхун в подробностях описал тот случай.

Выслушав его, лекарь Ван почувствовал неясную тревогу и острое предчувствие беды. Если бы с таким пациентом столкнулся он сам, то, скорее всего, пришел бы к тому же выводу, что и Лу Тайхун. Но как княгине Цзю удалось уловить ту единственную нить жизни в пульсе, который казался мертвым?

Все присутствующие врачи были изумлены: столь проницательному наблюдению и столь смелому подходу к лечению трудно было найти объяснение, особенно учитывая, что спасительницей оказалась женщина, которой не было и двадцати лет.

Ай Ливэнь покосился на стоявшего рядом лекаря Вана. Тот нахмурился и едва заметно кивнул. Ай Ливэнь слегка улыбнулся — у него созрел план.

Лэн И беспокойно расхаживал по комнате. Похоже, его невестка, которая при их встрече пару дней назад всё время молчала, обладает подлинным мастерством. Раз уж столичные лекари окончательно опустили руки, последняя надежда оставалась только на нее.

— Почему же они до сих пор не приехали? — Лэн И примерно представлял, где находится резиденция Девятого князя. На быстрой лошади туда и обратно можно было обернуться за время, пока сгорают две палочки благовоний, но солнце уже поднялось высоко, а у ворот двора всё еще не было вестников. — Лю Шэн, что происходит?

Заметив, что герцог недоволен, Лю Шэн, весь в поту, склонился перед стоявшей к нему спиной Цзян Ляньцин и доложил:

— Управляющий Ван лично отправился за ними в резиденцию Девятого князя. По идее, в пути не должно было возникнуть никаких задержек.

Ван Сян был старым слугой, сопровождавшим Лэн И еще в пограничных походах. Человек он рассудительный и надежный, не мог допустить оплошности в такой важный момент. Должно быть, что-то пошло не так.

Видя, что его младший сын едва дышит и цепляется за жизнь из последних сил, Лэн И, снедаемый тревогой, больше не мог доверить это дело слугам. Сложив руки в приветственном жесте, он обратился к лекарям:

— Я скоро вернусь, прошу, подождите еще немного.

Сказав это, Лэн И развернулся и широким шагом направился прочь.

Телохранители, знавшие нрав своего господина, уже подготовили коней. Едва покинув внутренний двор, Лэн И вскочил в седло, и по обычно тихим владениям герцога разнесся резкий и частый топот копыт.

Как только они выехали за ворота, Лэн И словно что-то вспомнил. Он резко натянул поводья, конь встал как вкопанный, вскинув передние копыта. Следом за ним, без малейшего замешательства, остановились и его люди.

Лэн И бросил взгляд сверху вниз на испуганного привратника, стоявшего у входа, и сурово спросил:

— Княгиня Цзю приходила сюда?

Привратник опешил, не понимая, с чего герцог вдруг об этом спрашивает. Но, заметив суровое лицо своего господина, нахмуренные брови и отряд грозных воинов за его спиной, он решил, что неблагодарный Девятый князь чем-то прогневал герцога и тот собрался идти войной на его резиденцию. Сердце привратника наполнилось радостью: наконец-то герцог отомстит за его обиды! Он тут же подобострастно затараторил:

— Приходила! Она еще пыталась пробраться внутрь под предлогом лечения маленького господина. Я сразу понял, что у них дурные намерения, и решительно отказал ей, не дав ни единого шанса.

Воцарилась тишина. Воины в упор смотрели на привратника, слышно было лишь, как кони фыркают и переступают ногами.

Лэн И расхохотался:

— Хорошо, очень хорошо! Иди сюда, я награжу тебя.

Привратник, охранявший ворота много лет, из-за редких визитов господина плохо знал его характер. Услышав о награде, он просиял и трусцой подбежал ближе.

Встав перед высоким конем герцога, он радостно поклонился:

— Это мой долг, господин.

— Подними голову, — улыбнулся Лэн И.

Едва привратник поднял лицо, как перед глазами сверкнул стремительный и беспощадный холодный блеск. За резкой болью последовало странное ощущение: обзор в воздухе перевернулся, улыбающееся лицо герцога замелькало вверх-вниз, и в конце он увидел лишь беспокойные копыта коней, утопающие в дорожной пыли.

Он не успел даже подумать о чем-либо, как зрение навсегда поглотила тьма.

Лю Шэн, следовавший позади, при виде летящей головы и брызг крови едва не наложил в штаны от страха. Он, дрожа всем телом, рухнул на землю. Только сейчас до него дошло, что их герцог — это тот самый полководец, привыкший рубить головы на поле боя. Слуги в усадьбе так долго не видели хозяина, что совсем забыли: настоящий владыка здесь — Лэн И, а не та, на кого все привыкли оглядываться, — госпожа герцогиня.

Карета резиденции Девятого князя медленно ехала по оживленным улицам. Был почти полдень, прохожих стало больше, отовсюду доносились крики торговцев, а воздух был пропитан ароматами уличной еды. Люди, казалось, привыкли к спокойной жизни под сенью Сына Неба: они шли не спеша, громко приветствуя встречаемых знакомых.

Цзо Хунцю сидела в карете, прикрыв глаза. Её тело мерно покачивалось в такт движению. Вдруг она словно что-то почувствовала и распахнула глаза, да так резко, что испугала робкую Цзы Хань.

— Госпожа... вы...

— Тс-с, молчи.

Вскоре обе женщины почувствовали, как земля под ногами слегка завибрировала. Вслед за этим послышался глухой, приближающийся топот копыт.

Скакать галопом по узким, людным улицам столицы — на такое решился бы не каждый, обычных людей давно бы остановили стражники. Значит, этот отряд принадлежал к тем, кого власти боялись тревожить.

Прохожие в панике бросились врассыпную, торговцы хватали ценный товар и прятались в лавках. Мгновение — и шумная улица превратилась в хаос. Люди, дрожа от страха, забились в углы, не понимая, что происходит.

Вскоре толпа всадников окружила старую карету. Из их рядов выехал статный мужчина — кто же еще, как не герцог Лэн И?

Он сложил руки в приветствии:

— Прошу прощения за неудобства, невестка. Тот привратник, что преградил вам путь и забыл о почтении, обезглавлен. Я сделал это, чтобы восстановить порядок в доме, надеюсь, вы не станете держать на меня зла. Отныне люди из резиденции Девятого князя для моего поместья — свои, входите и выходите без доклада. Так ведь будет лучше, не правда ли?

Видя, что Лэн И заговорил так вежливо, Цзо Хунцю решила уступить.

Она приподняла занавеску и ответила:

— Прошу простить, что не могу выйти из кареты для должного поклона. Благодарю вас за заботу, дядя. Я слышала, что маленький господин нездоров. Пусть мои познания в медицине невелики, у меня есть несколько полезных рецептов. Если не побрезгуете, я готова осмотреть его.

Лэн И боялся, что племянница затаит обиду и откажется, но, увидев, что она умеет ценить ситуацию, с облегчением произнес:

— Это будет прекрасно.

Кучер Дин Эр, увидев, что за его госпожой приехал лично герцог, приосанился, и даже взмахи его кнута стали увереннее. Под удивленные шепотки прохожих отряд всадников поспешил в поместье герцога.

— Кто это такая, что ей оказывают такую честь?

— Это не просто люди герцога. Ты что, не узнал того, кто говорил? Это же сам Лэн И!

— Правда? Редко он возвращается с границ, неудивительно, что я его не узнал.

— И всё же, кто эта женщина? Карета такая обшарпанная, видать, знатного происхождения не имеет...

Сплетни — любимое занятие столичных жителей.

В этом гуле голосов на втором этаже ближайшего здания стояла девушка в светло-зеленом платье. Она проводила взглядом удаляющуюся карету с тоской и печалью в глазах. Лишь когда экипаж исчез вдаль, она повернулась и растворилась в толпе.

Состояние А-Ху становилось всё хуже.

Ребенок дышал едва заметно. Если бы кормилица не проверяла дыхание, глядя на его неподвижную грудь, она могла бы подумать, что мальчик уже отошел в мир иной.

Цзян Ляньцин лежала, прикинув к кровати. Слёзы, казалось, высохли, глаза лишь краснели от напряжения. Она смотрела на сына отсутствующим взглядом.

Ей вспомнился день накануне праздника первого года, когда она гуляла с А-Ху во дворе, а за ними плелась та женщина — так называемая княгиня Цзю, жена того больного князя.

Это она тогда сказала что-то про простуду. В тот день А-Ху был здоров, а на следующее утро начался жар и понос, теперь еще и рвота. Если бы не её пустые слова, разве обратило бы Небо внимание на такого милого и живого ребенка? Но теперь последняя надежда была связана с ней, и Цзян Ляньцин чувствовала, как внутри всё сжимается от горечи и неприязни.

К тому же, люди герцога уехали так давно, а вестей всё нет. Неужели она ломается, ждет, пока сам герцог приедет за ней, чтобы соизволить явиться?

Если вылечит — ладно. Но если нет — пусть не пеняет, она, тетушка, не оставит Девятый княжеский дом в покое.

Лекари, поняв, что их присутствие здесь бесполезно, начали уходить, получив вознаграждение. В комнате остался лишь Лу Тайхун, сидевший с невозмутимым видом.

Лекарь Ван был мрачен. Он прослужил в Императорской академии медицины долгие годы и обладал мастерством, но после случая с Хуай-ваном он не мог быть уверен, какие еще фокусы выкинет эта княгиня Цзю в ситуации, которая им казалась безнадежной.

Поэтому, кроме Лу Тайхуна, Ай Ливэня и лекаря Вана, остались еще несколько врачей, желавших посмотреть, какие чудодейственные методы применит княгиня, дважды спасая людей от неминуемой смерти, когда даже лекарства не задерживались в желудке А-Ху.

Наконец, они услышали торопливые шаги. Первым в комнату влетел Лю Шэн:

— Приехали! Приехали!

Лэн И, мрачный и взволнованный, переступил порог. Следом за ним вошла женщина в нежно-фиолетовом платье: высокая, с тонкими чертами лица и острым, внимательным взглядом.

Цзо Хунцю сразу увидела ребенка, лежащего на кровати. Сердце ее сжалось. Не обращая внимания на присутствующих, она села на край постели.

Пульс ребенка был почти неразличим, тонок, как нить — он стоял на самом краю гибели.

Она отпустила его запястье, глубоко вздохнула и обернулась к лекарям:

— Кто расскажет о симптомах и о том, как его лечили эти два дня?

Видя, что молодая женщина с порога начала командовать, лекари, ждавшие их так долго, почувствовали раздражение. В мире медицины важны стаж и репутация, а эта девчонка — пусть даже знающая пару рецептов — вела себя крайне непочтительно, даже не поприветствовав старших.

Лекарь Ван не выдержал:

— Что за манеры? Кто твой учитель, что не научил тебя правилам?

Цзо Хунцю ответила сухо:

— Господин лекарь, мы ведь уже встречались. Каково ваше мастерство, я знаю. Мой учитель говаривал: в мире полно прославленных шарлатанов. Они лечат немногих, а губят многих, и со временем начинают считать себя великими мастерами.

Услышав такое, лекарь Ван чуть не задохнулся. Он дрожащим пальцем указал на нее:

— Ты... ты...

Видя, что лекарь Ван лишился дара речи, Ай Ливэнь подхватил:

— Состояние ребенка критическое, он не принимает даже отваров. Если у княгини нет полной уверенности, не стоит лишний раз мучить маленького господина. Возможно, еще удастся продержаться какое-то время.

Цзян Ляньцин, сверкая красными от слёз глазами, впиалась взглядом в Цзо Хунцю, словно переноса на нее всю свою ненависть. Лишь крохотная надежда удерживала ее от того, чтобы не наброситься с бранью.

Лэн И тоже хранил молчание, внимательно наблюдая за каждым движением Цзо Хунцю. Они ведь не видели ее искусства в деле, поэтому относились к ней с сомнением. Ребенок был так плох, что полное исцеление казалось несбыточной мечтой.

Цзо Хунцю покачала головой:

— Значит, по-вашему, нужно просто оставить его умирать?

Ай Ливэнь, заметив, как потемнело лицо Лэн И, поспешно замахал руками:

— Я не это имел в виду. Я о том, что ребенок слишком слаб, чтобы вынести лишнее вмешательство. Это лишь ухудшит его состояние.

Цзо Хунцю усмехнулась:

— Так поступают только бездарные лекари. Я еще даже не начала, а вы уже знаете результат?

Ай Ливэнь фыркнул и замолчал.

Не только лекарь Ван, но и остальные врачи лишь с презрением усмехнулись про себя. Ребенок не может проглотить даже ложку лекарства — это было известно всем, они уже пробовали разные отвары, но А-Ху всё вырывал. Если эта выскочка-княгиня действительно решит что-то предпринять, ребенок может умереть прямо у нее на руках. И тогда весь гнев герцогского поместья обрушится на нее одну. Поистине — стараться ради чужого блага, не получая ничего, кроме неприятностей.

Лу Тайхун слегка кашлянул и подошел ближе:

— Ваше Высочество, я более-менее знаком с состоянием маленького господина.

Он был тем, кто порекомендовал княгиню, и после их разговора в Зале Сотни Трав проникся к ней большим уважением. Видя враждебность лекаря Вана и Ай Ливэня, Лу Тайхун, чтобы помочь княгине, подробно изложил историю болезни и все предпринятые попытки лечения.

Из уважения к статусу Лу Тайхуна, лекари не стали его перебивать, но по-прежнему с насмешкой поглядывали на Цзо Хунцю, ожидая ее провала.

Выслушав Лу Тайхуна, она кивнула:

— Диагноз почтенного Лу верен, и лекарства назначены правильно.

— Но ребенок не принимает отвары, это и есть самая большая сложность, — вздохнул старец.

Цзо Хунцю призадумалась. Ай Ливэнь, видя ее молчание, не удержался:

— Почтенный Лу всё видит верно, его мастерство глубоко. А вы? Слушаете уже долго, что-то придумали?

Лекарь Ван погладил бороду:

— Шарлатанов полно, но они хотя бы знают основы медицины. А иные, случайно угадав пару раз, возомнили себя врачами. Но разве можно постичь глубокую мудрость медицины, едва прикоснувшись к ее поверхности?

В те времена стать императорским лекарем было высшей наградой. Хотя некоторые мастера предпочитали лечить простой народ в родных краях, большинство были обычными людьми, жаждущими славы и признания. Звание придворного врача позволяло после отставки открыть свою клинику, куда валом валили пациенты, не говоря уже о возможности набрать учеников.

Ай Ливэнь хоть и имел некоторую известность, до звания великого мастера ему было далеко. Стать придворным врачом стало его главной целью, поэтому он старался заручиться

поддержкой лекаря Вана. Раз они встретились в поместье герцога, он решил держаться его стороны, чтобы тот замолвил за него словечко в Академии.

Цзо Хунцю не собиралась спорить с ними. Мальчик был при смерти, а эти люди, вместо того чтобы искать решение, лишь язвили.

— Есть два типа лекарей, — холодно начала она. — Первые выписывают отвары из десятков трав — это как загонная охота: может, кто и попадет в цель, но сам лекарь не знает, что именно помогло. Это всё равно что сотня лучников стреляют в одну мишень — хоть одна стрела да попадет. А вторые — те, кто точно знает действие лекарств. Им достаточно нескольких трав, а то и одной, чтобы решить проблему.

Цзо Хунцю взглянула на них:

— Например, я. Сейчас я добавлю к рецепту Лу Тайхуна всего одно средство, и маленький господин пойдет на поправку.

Лекарь Ван чуть не расхохотался. Одна трава? Он всю жизнь в медицине, но никогда не видел врача, который лечит одним компонентом. Если она посмеет это сделать, кто решится дать такое лекарство ребенку? По привычке считалось, что чем больше трав, тем сильнее эффект, да и аптеки зарабатывают больше на больших сборах — все довольны.

К тому же, рецепты Лу Тайхуна уже укрепляли дух ребенка, но после ночи рвота продолжилась — значит, лекарство не подходит. Как одна добавка может всё изменить? Это звучит как бред.

Ай Ливэнь усмехнулся:

— Княгиня, медицина — это не детские игры. За каждое слово придется отвечать.

Цзо Хунцю проигнорировала их. Она подошла к кормилице, что-то шепнула ей на ухо. Та удивленно распахнула глаза:

— Ваше Высочество, это... это правда сработает?

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Слушай меня, и всё получится.

Кормилица взглянула на Цзян Ляньцин. Та раздраженно махнула рукой:

— Сделайте так, как велит княгиня.

Кормилица позвала служанку, и они стремглав выбежали из комнаты.

Аптека находилась в соседнем дворе — очевидно, они побежали за лекарством по приказу княгини.